

Сабанов Олег

Посторонним
ВХОД
разрешен

Олег Александрович Сабанов
Посторонним вход разрешен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70531096

SelfPub; 2024

Аннотация

Когда приходит понимание того, что не стоит слепо доверять собственным мыслям, возникает совсем иное качество жизни.

Олег Сабанов

Посторонним вход разрешен

Потемневшая от накрапывающего дождя извилистая лента дорожного полотна казалась нескончаемой, хотя по моим прикидкам до города оставалось не более получаса езды. Погода стала портиться накануне вечером, всю ночь за окном слышались завывания ветра и дальние раскаты грома, а наутро я решил уехать с базы отдыха раньше положенного срока, поскольку проведенные среди убогих деревянных домиков дни оказались один тоскливее другого. В дороге сразу же возникло стойкое ощущение, будто с каждым новым километром обратного пути удушающие объятия овладевшей мной скуки понемногу ослабевают. Я слушал зажигательные музыкальные треки, но все равно старался ехать без превышения разрешенного скоростного предела, памятуя о многочисленных камерах фиксации вдоль трассы. Хмурый ненастный пейзаж за усеянными каплями морозящего дождя автомобильными стеклами заметно усиливал блаженство от нахождения в уютном прогретом салоне. Расслабившись в водительском кресле, я сливался с мчащейся машиной в единое целое, ощущая ладонями едва заметную дрожь рулевого колеса и по мере необходимости плавно притормаживая

или слегка поддавая газу. После одного из затяжных поворотов мне пришлось резко сбросить скорость, поскольку по обе стороны дороги показались выстроившиеся в ряд приземистые дома небольшого поселка. Пару минут я вынужденно плелся с черепашьей скоростью велосипедиста, казавшейся мне изощренным издевательством над человеком за рулем после стремительной езды по шоссе. На самом выезде из населенного пункта у дороги стоял худощавый парень с поднятой рукой, которого дружно игнорировали проезжающие мимо водители. Видимо, я оказался самым отзывчивым среди них, поскольку неожиданно для самого себя остановился возле него без лишних колебаний.

– Подбросите до города? – спросил бледнолицый юноша с черными вьющимися волосами, приоткрыв пассажирскую дверь.

Мне оставалось только указать глазами на пустое кресло справа от себя, после чего парень мгновенно оказался в автомобиле.

Поначалу мы ехали молча, слушая наполняющую салон музыку, а разговорились лишь после того, как я из вежливости поинтересовался, не мешает ли она моему попутчику. Как выяснилось из нашего краткого общения, юношу звали Семеном, учился он на втором курсе политехнического института, жил в общежитии, куда и держал путь из своего родного поселка.

– Завидую я тебе, – невольно вырвалось у меня. – Студен-

ческая пора – золотое время, даже если приходится обитать в общежитии. Я вот, например, убежал с турбазы, о которой слышал только положительные отзывы, потому что теперь мне сложно угодить. То ли дело в студенческие годы, когда для ощущения счастья не требовались определенные условия!

– По правде говоря, я сам, несмотря на свою молодость, вечно скучал или пребывал в плохом настроении, за исключением последних нескольких дней, – заявил Семен, вызывая мое любопытство.

– И что же случилось в эти дни, если не секрет? – поинтересовался я.

– Мне посчастливилось поучаствовать в фантастическом эксперименте, который могла запустить только сверхъестественная сила. Понимаю, звучит как горячечный бред, но это правда, – спокойно ответил он, после чего тихо добавил: – Могу теперь вас пригласить в него вместо себя, поскольку пришло время передавать эстафету другому человеку, чтобы самому не перегореть.

– Пригласи, будь добр, – с ухмылкой бросил я только из-за желая узнать, как молодой фантазер станет выкручиваться.

– Рад, что у вас не возникло возражений, – отреагировал он таким тоном, будто хорошо меня знал и потому не ждал другого ответа. – В следующий раз, когда будете чем-либо раздражены, обеспокоены или сбиты с толку, просто вспомните наш разговор и произнесите про себя фразу: «Посто-

ронним вход разрешен».

– А почему не «мутабор»? – язвительно спросил я, еле сдерживаясь от смеха.

Вместо хоть какой-то реакции на мое ехидство Семен как ни в чем не бывало продолжил свой инструктаж:

– Когда вами овладеет новое состояние, все вопросы отпадут сами собой. Позже придет понимание, что пора отдавать эстафету другому человеку. Вы его определите среди прочих своим чутьем, и все ему объясните в непринужденном разговоре, подобном нашему.

Я захотел возразить в том смысле, что сам ничего толком не понял, но делать этого не стал, поскольку решилшний раз не раздражать паренька с явно нездоровой психикой. Вскоре на горизонте забелели высотки спальных районов, а минут через десять мой автомобиль въехал на один из городских проспектов, после чего студент попросил высадить его у ближайшей станции метро. Исполнив желание своего попутчика, я прибавил громкость колонок и с ветерком покатил в направлении дома хорошо знакомым маршрутом, тут же забыв об услышанной по дороге к городу ахинее.

Пустая квартира встретила меня своей особенной атмосферой тихого уюта, которую я оставил ради недельного пребывания в холодном домике у начинающей остывать реки по причине своей вечной неудовлетворенности тем, что есть. Мне захотелось быстренько принять душ, после чего заварить себе свежего чая, однако даже наполнить чайник водой

не вышло, поскольку из открытого крана с отвратительным утробным урчанием в раковину хлынула ржавая струя.

– Черт бы побрал этих коммунальщиков! Дерут такие деньги, а аварии следуют одна за другой! – воскликнул я в сердцах и полез за минералкой в холодильник, где увидел на одной из полок запотевшую бутылку водки.

Выпивать мне совсем не хотелось, но из-за вспыхнувшего вследствие сущего пустяка раздражения я все же решил опрокинуть рюмашку в качестве успокоительного, что и сделал без промедления. Алкоголь быстро восстановил некое подобие внутренней гармонии, правда, чтобы ее поддерживать, следовало периодически добавлять, а пьянка в мои планы никак не вписывалась. Вскоре действие водки начало ослабевать, отчего неумоимо возвращалось дурное расположение духа, подпитываемое беспрестанно возникающими мыслями о скопившихся проблемах и разного рода неприятностях. Как бы я ни пытался от них отмахнуться, сколько бы ни старался думать о более приятных вещах типа плавности хода своего нового автомобиля или неожиданно сносных результатах медицинских анализов, сданных накануне поездки на базу отдыха, настроение неумоимо портилось без особых на то причин. Стоило прикрыть веки, как перед глазами вставали тяжелые свинцовые тучи, нависшие над бескрайними полями, которые пререзала убегающая вдаль черная лента асфальта. На мгновение мне показалось, что я вновь несусь по загородной трассе, после чего с поразительной яс-

ностью вспомнился разговор со странным попутчиком, и тут же с моего языка сама собой слетела фраза: «Посторонним вход разрешен», которую он предлагал произносить всякий раз при потере душевного равновесия.

Как и следовало ожидать, в следующий момент ничего ровным счетом не изменилось, лишь кривая ухмылка прожженного скептика исказила мое лицо. Я вернул бутылку обратно в холодильник от греха подальше, закрыл кран, из которого все это время продолжала бежать мутно-бурая струйка, а затем вдруг ощутил, что незаметно для себя самого стал проникаться удивительной легкостью, какая случается в первые мгновения пробуждения после долгого глубокого сна, когда зеркальная гладь сознания еще не потревожена вихрями мыслей. Причем сами они продолжали возникать, но лишённые внимания сразу же угасали, поскольку теперь мне до них не было особого дела. Я вдруг четко осознал одну непреложную истину – если слишком доверять собственному уму, то он неизбежно превращается из необходимого для решения постоянно возникающих задач инструмента в змеиный клубок мыслей о прошлом и будущем, отравляющий жизнь невероятно раздутыми опасениями и сожалениями. Из открывшейся чудесным образом ретроспективы становилось ясно как день – лишь незначительно малая толика когда-то изводящих меня беспокойств имели под собой хоть сколько-нибудь реальное основание. По сути, взявший надо мной власть ум всю дорогу безбожно врал, становясь еще силь-

нее и активнее от посеянного им самим недовольства впере-
мешку со смятением. Осознанная правда оказалась предель-
но проста и очевидна, поэтому принималась столь же есте-
ственно, как земное притяжение или таблица умножения, и
оставалось лишь недоумевать, почему подобное прозрение
не случилось раньше.

Стоило мне перестать верить приходящим в голову мыс-
лям, как я почувствовал необычайную легкость, будто с мо-
их плеч упал тяжелый груз. Разумеется, в своем новом состо-
янии, свободном от гнета вышедшего из-под контроля ума,
я перестал тратить жизненную энергию на негативные пере-
живания, отчего мое настроение резко поползло вверх. Ка-
кое-то время я расхаживал по комнатам, получая удоволь-
ствие от самой возможности делать движения, вдыхать воз-
дух, смотреть вокруг себя, ощущать прохладный пол под но-
гами. Все, ранее казавшееся не стоящим внимания, рутин-
ным, третьестепенным, обретало сакральный смысл, вслед-
ствие чего меня переполняла благодарность за самую возмож-
ность находиться в собственной квартире, которую теперь
язык не поворачивался назвать пустой. Вернувшись на кух-
ню, я открыл кран, из которого для моей пущей радости по-
бежала прозрачная вода, и вскоре мне, едва обсохшему по-
сле контрастного душа, наконец-то удалось сделать обжига-
ющий глоток свежезаваренного чая.

Обычно во время чаепития я лез в свой ноутбук или вклю-
чал негромкую музыку, поскольку возникающие мысли на-

зойливо убеждали меня в том, что гораздо полезнее узнать какую-нибудь новую информацию или на худой конец послушать красивую композицию, чем просто так восседать с чашкой в руке. Теперь же я оставался глух к подобным советам, а потому они быстро стихли в голове, после чего мне довелось познать ни с чем не сравнимый вкус рожденного из тишины умиротворения. До самого вечера я испытывал невыразимый душевный покой, когда мысли были бессильны указать на какой-либо изъян в каждом проживаемом мгновенье, а значит у меня не возникало обычного свербящего желания каким-то образом его изменить. При всем том я явственно осознавал, что преградой к этому естественному для всякого человека состоянию является беспокойный ум, но мало кому суждено обуздать его.

Уже совсем поздно, перед самым засыпанием, мне вновь вспомнился разговор со студентом по дороге к городу, только на этот раз Семен представлялся не чудаковатым, а скорее, загадочным парнем. Однако задаваться вопросами насчет своего таинственного попутчика и попусту себя ими мучить я не стал, так как понял, что и правда имею дело с чем-то необычайным, вряд ли поддающимся рациональному объяснению.

Следующим утром мне надо было ехать на станцию техобслуживания автомобилей для замены моторного масла. Проснувшись по звонку будильника, я несколько минут лежал с закрытыми глазами, а в это время ум по своему обык-

новению успел срежиссировать и продемонстрировать мне возможные эпизоды из пока еще не произошедших событий наступающего дня. Волевым усилием я вернулся в настоящий момент, но долго в нем задержаться не сумел и вскоре с сожалением вынужден был констатировать, что игнорировать назойливые мысли сегодня уже не выходит. Заставив себя вылезти из-под теплого одеяла, умывшись, одевшись и наскоро позавтракав, я вышел из квартиры и минуту спустя оказался возле своей стоявшей во дворе машины.

– Утро доброе! – чересчур резво поприветствовал меня живущий в соседнем подъезде мужичок, который никогда ранее со мной не здоровался. – Глянь внимательнее на свое заднее крыло!

Я автоматически исполнил его призыв и ахнул. Левое заднее крыло обезобразивала небольшая, но довольно глубокая царапина от какого-то острого предмета.

– Откуда она!?! – невольно вырвалось у меня.

– Надо иногда в домой чат заглядывать! Там с раннего утра только и пишут о хулиганах, поцарапавших ночью несколько машин во дворе гвоздем, – отозвался мужичок поучительным тоном, зло добавив: – Руки-ноги скотам переломать бы, только теперь ищи-свищи их! Собрание жильцов отказалось ставить камеры видеонаблюдения на подъездах, каждую копейку экономит, и вот результат!

Я не стал выведывать у него каких-либо подробностей произошедшего из-за подкатившего к горлу кома досады.

Волна негодования быстро росла во мне, а так как выплеснуть его попросту было не на кого, по телу пробежала гневная дрожь. Обойдя вокруг машины и не обнаружив других повреждений блестящего в утренних лучах кузова, я случайно зацепился взглядом за солнечный зайчик на переднем пассажирском сиденье, тут же вспомнил разговор со своим вчерашним попутчиком, и мои губы сами прошептали: «Посторонним вход разрешен». Поначалу ничего не изменилось. В крайнем раздражении я сел в автомобиль, чертыхаясь завел мотор, после чего совершенно неожиданно мне на память стали приходить многочисленные передрыги из далекого прошлого. Когда-то мое воображение раздувало их до размеров катастроф куда больших, нежели сегодняшняя неприятность с поцарапанным крылом автомобиля, однако со временем они превратились для меня в сущие пустяки. Прогрев двигатель, я начал выезжать со двора и вдруг заметил, как расстройство с негодованием быстро улетучиваются, уступая место соответствующему солнечному утру доброму расположению духа. Неугомонные мысли по инерции продолжали убеждать меня в собственном невезении, пытаюсь раскрасить серыми красками окружающий пейзаж, но раз за разом терпели неудачу и постепенно стихли. Как оказалось, все дело было в волшебной перемене, благодаря которой я теперь оценивал случившееся словно из своего будущего, где оставался исключительно факт незначительного повреждения автомобиля без каких-либо связанных с ним негативных

эмоций. На станции техобслуживания мне сразу удалось договориться о мелком кузовном ремонте, благо автострахование покрывало все расходы, да и в целом день сложился удачно, поскольку не был испорчен пустыми сожалениями о том, чего изменить невозможно.

Всю последующую неделю я не произносил чудодейственную фразу из-за опасения впасть от нее унижительную в зависимости, хотя пару раз был взбешен лихачами на дороге по милости которых мог попасть в ДТП. Во мне зарождалось пока еще смутное, но все-таки отчетливое желание научиться самому, без помощи магической клюки из трех слов, идти по жизни с завидной легкостью и невозмутимостью. Срыв, если так можно выразиться, произошел по причине моего вовлечения в дискуссии на разнообразных интернет-площадках. Сколько раз я зарекался спорить со скрывающимися под никами и аватарами оппонентами, которые вольны нести сущий вздор без малейшего ущерба для собственной репутации в реальной жизни, однако с пугающей регулярностью нарушал данное себе обещание. На этот раз меня задел пост анонима, убеждавшего посетителей религиозно-философского раздела интеллектуального форума в истинности своих выводов. Их абсурдность для меня была очевидной, но, чтобы ее наглядно показать остальным, следовало перелопатить Веды, Коран и Библию, после чего снабдить найденные цитаты пояснительными комментариями в наиболее удобоваримой для интернет-пользователей форме. По сути,

я должен был признать свое бессилие, так как не мог себе позволить тратить драгоценные время и энергию ради разоблачения сетевого проходимца, отчего приходил в настоящее бешенство. Конечно, следовало просто закрыть ноутбук, но дьявольский азарт спорщика, почуявшего уязвимость своего оппонента, не давал мне легким движением руки отправить бурлящий мир интернет-форума в небытие. Так и не дождавшись ни одного годного комментария под постом сетевого знайки, я в раздражении громко обругал простаков, которым так легко запудрить мозги, а потом в целях успокоения вслух произнес волшебную фразу. Как и в предыдущие разы первые пару минут никаких изменений не произошло, зато потом мне вдруг стали приходиться на ум лаконичные по форме и исчерпывающие по содержанию ответы умющему изящно изъясняться шарлатану. Я словно оказался в хранилище готовых решений для бесчисленного количества затруднительных ситуаций, где на специально подсвеченной полке меня ожидали четко сформулированные комментарии и реплики по поводу вводящих в заблуждение неискушенных интернет-юзеров умозаключений. Однако, как только мои чуть подрагивающие от предвкушения скорой расправы над виртуальным оппонентом пальцы забегали по клавиатуре, я неожиданно осознал уловку беспокойного ума, по милости которого мне вечно хочется отстаивать ту или иную точку зрения в ущерб драгоценному спокойствию. При всяком споре мои мысли многократно усиливались, разбухала

собственная важность, отчего возникала потребность вновь и вновь доказывать свою правоту, что в свою очередь невозможно было сделать без помощи мыслей. Таким образом порочный круг бесконечного думания замыкался сам на себя, и я надолго терял полноту каждого момента жизни ради бесцельных блужданий в дебрях размышлений. Словно постороннему наблюдателю мне открылась дьявольская игра вышедшего из-под контроля ума, и я уже больше не мог приравнять себя к собственным мыслям, как делал это всю сознательную жизнь. Пришедшее за прозрением умиротворение заставило меня отложить ноутбук и с интересом следить, как только что казавшиеся глубокими думы одна за другой теряют свою значимость и лопаются подобно мыльным пузырям. Иногда я даже умудрялся наблюдать за самим наблюдателем своих мыслей, совершенно утрачивая привязку к телу и забывая собственное имя. Наверное потому, что ничего подобного столь невероятному опыту растождествления с беспокойным умом и личностью в целом на моем веку не случалось, я несколько часов к ряду просидел в тишине комнаты без движений, и лишь настойчивый звонок в дверь заставил меня встрепенуться.

Как выяснилось, в гости пожаловала соседка со второго этажа Инга. Она была не замужем, а я уже год как разведен, поэтому мы иногда навещали друг друга ради единения наших одиноких сердец и тел. В свое время женщина окончила музучилище, а сейчас по ее собственным словам вела кру-

жок пения для ребят, но при этом загадочным для меня образом круглыми сутками сидела дома.

– Купила вино по совету подруги, давай продегустируем, – заявила она вместо приветствия и сразу из прихожей последовала в комнату, где поставила бутылку на стол.

Уже привыкший к подобным ее повадкам, я без лишних слов быстренько подсуетился, и только когда плеснул в бокалы бордовую жидкость, сказал:

– Расслабься, все ведь хорошо. Зачем самой себя вгонять в уныние?

Не поняв смысл услышанного, Инга вперила в меня свои кошачьи глаза, из-за чего я тут же умолк. Как было ей объяснить, что моя незамутненная думанием пронизательность безошибочно определила рой озверевших мыслей, терзающих пришедшую ко мне соседку? Потакая им долгое время, она, сама того не желая, создала ад в своем сознании, и теперь безотчетно искала спасение от него в нашем общении. Вот только досужие разговоры, физическая близость или иные способы отвлечения приносили ей лишь кратковременное облегчение, после чего беспокойный ум вновь становился хозяином положения, отравляя опасениями и сожалениями вполне сносное существование. Собственно, я и сам всегда был таким же пленником необузданного мышления, а обретать по праву принадлежащую мне свободу стал только благодаря волшебной фразе. Однако делиться ею с Ингой я не спешил из-за стойкого внутреннего ощущения

того, что она пока должна помогать исключительно мне и никому другому.

– Ты кажешься слегка напряженной и совсем не улыбаешься, – как мог, пояснил я свои слова, вызвавшие у нее недоумение.

– А разве есть повод для веселья? – несколько наигранно изумилась моя соседка.

В ответ я захотел рассказать о своем превосходящем всякое веселье блаженном умиротворении, но делать этого не стал, прекрасно отдавая себе отчет в том, что понять меня сможет лишь переживший это состояние человек.

– Само чудо жизни, которая проявляется через нас с тобой, достаточный повод праздновать каждый ее миг, – сказал я с несвойственным для себя пафосом и добавил: – А испортить этот вечный праздник можем только мы сами.

– Ты пьяный, что ли? – уже вполне серьезно поинтересовалась Инга и, не дожидаясь ответа, принялась делиться со мной впечатлениями от своего похода в магазин женской одежды с таким увлечением, словно речь шла о кругосветном путешествии.

Благодаря продолжающемуся эффекту волшебной фразы, я видел ее насквозь и мог без труда угадать каждое слово, которое она собирается произнести. Более того – непрерывно мутирующая комбинация мыслей и чувств соседки тоже легко считывалась мной, а когда я чуть концентрировался, то тут же проникал в самые сокровенные и надежно скры-

тые от посторонних глубины ее сознания. Поскольку у меня отсутствовало желание выслушивать трескотню про модные тряпки, я, едва дождавшись паузы в сбивчивом монологе соседки, заявил:

– Лучше расскажи о своем отдыхе на море.

– Какое море, что ты несешь? – округлила глаза Инга. – У меня даже на пикник выбраться редко получается!

– Ой, ладно, не прибедняйся! – добродушно улыбнулся я в ответ. – Пока валяешься в своей постели, можно побывать где угодно и успеть испытать массу самых разных переживаний. Например, спастись от преследования акулы с огромной пастью, а выбравшись на берег неожиданно для себя оказаться победительницей конкурса «Королева пляжа».

После сказанного мной лицо Инги исказила столь несвойственная ей гримаса озадаченности, прибавившая молодой женщине лишние годы. С минуту она не могла вымолвить ни слова, а когда наконец собралась с мыслями, чужим голосом произнесла:

– Но как, как тебе удалось узнать о моем сне!

– На последние деньги купил в интернете курс по экстрасенсорике и ясновидению. Теперь проверяю, не надули ли меня сетевые мошенники, – спокойно ответил я, весьма довольный своей выходкой.

Для меня не составляло никакого труда окончательно ввести ее в ступор другими своими прозрениями, однако это было бы настоящим издевательством над хорошим челове-

ком, да еще пришедшим навестить меня с гостинцем. Я попытался сменить возникшую по моей же милости щекотливую тему нашего разговора, а когда понял, насколько это трудная задача, при помощи внушения просто вымарал из памяти Инги сцену, где она слышит от меня некоторые подробности своего ночного сновидения. Как выяснилось самым естественным образом, после произнесения волшебной фразы в числе прочих сверхспособностей я наделялся также и силой гипнотического воздействия, которая по мере необходимости активировалась сама.

Вскоре наше общение продолжилось как ни в чем не бывало, а когда все нюансы посещения бутика по несколько раз были озвучены рассказчицей, от нее поступило предложение:

– Давай выберемся куда-нибудь вечером. Вино ты уже пригубил, значит за руль сегодня точно уже не сядешь...

– Почему бы и нет, – ответил я, хотя обычно подобного рода инициативы с ее стороны вежливо отклонял, ссылаясь на ожидание звонка, после которого мне якобы придется мчаться по неотложным делам.

Мы выпили еще по бокалу кисловатого зелья, после чего Инга ушла к себе, а спустя час нас уже обдувал прохладный ветерок, рыскающий по освещенным разгорающимися фонарями улицам. Ступая по влажному асфальту под ручку с соседкой, я впервые в жизни проникался небывалым ранее ощущением свободы от прочно укоренившихся во мне стра-

хов и тревог. Оказываясь в общественных местах, я, сколько себя помню, сразу же приходил в некоторое напряжение, поскольку боялся выглядеть нелепо в глазах посторонних, которых рассматривал прежде всего как потенциальную опасность. Теперь же в отсутствие подпитывающих беспокойство мыслей, незнакомые люди перестали таить в себе опасность, и возникало интуитивное понимание, что весь окружающий мир лишь игра моего собственного ума, сродни яркому сновидению, только не обычному, а осознанному, содержание которого при желании можно корректировать по своему усмотрению самым невероятным образом.

Недолго думая, я решил удостовериться в истинности возникшего восприятия и вскоре без особого труда сумел сделать так, что проходящий мимо солидный мужчина в роговых очках вдруг подскочил к нам и взволнованным голосом попросил у меня разрешения сделать совместное селфи.

– Давайте в следующий раз, – небрежно бросил я в ответ, даже не взглянув в его сторону.

Беспрерывно болтавшая Инга от недоумения просто проглотила язык, и только когда солидный мужчина остался далеко позади, заговорщическим шепотом вымолвила:

– Что это было? Ты теперь телезвезда какая-то?

– С недавних пор обрел широкую известность в узких кругах, – уклончиво ответил я, еле сдерживаясь от смеха.

Не успела моя спутница потребовать более внятных пояснений насчет странного эпизода, как перед нами возникли

две юные особы с крашенными в яркие цвета волосами и наперебой стали обращаться ко мне с аналогичной просьбой, которую я вновь отклонил в предельно лаконичной манере. Сразу после девушек мне пришлось также сухо отказывать женщине средних лет с тяжелой сумкой в руке и подскочившему вслед за ней угловатому юноше в джинсовой куртке с чужого плеча. Окончательно сбита с толку Инга ошарашенно взирала на происходящее, постоянно повторяя про себя один и тот же вопрос: «Что я пропустила?.. Что я пропустила?..». Чтобы совсем не свести ее с ума, мне пришлось на краткое время восстановить привычную реальность, где проходим до нас не было никакого дела. Однако я еще не наигрался в шаловливого творца окружающей действительности, поэтому долго сдерживать себя от продолжения столь увлекательной забавы не смог. В следующий миг монотонный гул вечернего проспекта взорвался протяжным воем сирен оповещения, заставив идущих по своим делам людей замедлить шаг и беспокойно озираться по сторонам. Вскоре сквозь завывание стал отчетливо различим звук орудийной канонады, похожий на дальние раскаты грома, после чего за ближайшими от нас домами вспыхнул озаривший полнеба огненный цветок, вызвавший дрожь земли, на которую посыпались выбитые ударной волной стекла окон и витрин. Недолго думая, я схватил свою спутницу за руку и потащил ее за собой в подземный пешеходный переход, куда вслед за нами ринулись самые расторопные прохожие.

В тоннели царили полумрак и необычная для такого сооружения духота, становящаяся невыносимой по мере увеличения в нем спасающихся людей. Сверху истерично визжала автомобильная сигнализация, раз за разом приглушенно гроыхали мощные взрывы, к которым вскоре добавился треск коротких очередей из стрелкового оружия.

– Все из-за таких как вы! Прогневали Господа своим беспутством! Накликали беду, нечестивцы! – вдруг заорала стоящая рядом старуха, указывая на нас своим скрюченным артритным пальцем.

Скопившаяся в подземном переходе разномастная публика словно по команде обратила взоры в нашу сторону, отчего дышать стало еще тяжелее.

– Что вы такое несете? – робко возмутилась Инга, сильнее прижимаясь ко мне дрожащим от ужаса происходящего телом.

Однако ее возражение явно не возымело должного действия, поскольку маски страха и растерянности на лицах окружающих быстро сменялись жутким выражением мстительной злобы, отчего в жилах стыла кровь. Почувывший ее запах малолетний гопник со складным ножиком в руке, выскочил из толпы и прямо передо мной начертал лезвием в воздухе причудливый иероглиф, подначивая остальных к незамедлительной расправе над нами. Положение становилось отчаянным, и лишь заставивший ходить ходуном стены убежища взрыв мощного фугаса где-то в непосредственной

близости от тоннеля, предоставил нам призрачный шанс вырваться из сжимающегося кольца враждебного окружения.

– Скорее к выходу! – крикнул я и подтолкнул прижавшуюся ко мне Ингу.

Мы ринулись в сторону ведущей наверх лестницы, отталяющая остолбеневших от страха людей с безумными глазами и вскоре оказались на озаренных падающими лучами ступенях.

– Наверху пожар, нам конец! – запричитала Инга, не понимая, откуда вечером столько яркого света.

– Отставить панику! – отчеканил я, преградив ей дорогу назад.

Первое, что бросилось в глаза, когда мы выбежали на тротуар из подземного перехода, оказалось обилие прогуливающих по обе стороны проспекта горожан с приветливыми улыбками на безмятежных лицах. Катящие перед собой детские коляски женщины, стройные девушки в легких платьицах, спортивные юноши, солидные мужчины, а также звонкоголосые ребята разных возрастов с мороженым и другими лакомствами в руках. В следующее мгновение пришло осознание того, что вокруг царит теплый, но не жаркий солнечный день начала лета, если судить по девственно-свежей зелени деревьев вдоль тротуара и буйству красок в цветочных клумбах. Льющаяся из невидимых взору динамиков тихая красивая мелодия будто бы ниспадала прямо с лазурных небес, отчего создавалась атмосфера вечного праздника

жизни, где страх исчезал как тень при полуденном солнце.

– Мы погибли и попали в рай? – еле слышно прошептала Инга, словно боясь громкой речью нарушить окружающую идиллию.

– Мы оказались в одном из моих счастливых снов, – совершенно искренне ответил я без всякого стремления пояснять свои слова.

Поскольку лица многих прохожих казались знакомыми, на душе царили чувства комфорта и раскрепощения, какие обычно приходят в кругу добрых друзей или теплой обстановке собственного дома.

– Смотри, смотри, наш участковый терапевт Семен Григорьевич идет! – дернула меня за руку Инга. – Вот и верь после этого сплетням из домового чата!

Этого пожилого врача, проработавшего три десятилетия участковым в поликлинике, хорошо знали жители нашего и окрестных домов. Неделю назад он умер ночью во сне от сердечного приступа, а наутро скорбная весть быстро разлетелась по мессенджерам и домовым чатам района. Позже последовало вполне официальное подтверждение на сайте мэрии, но факт смерти человека наяву совсем не означал его исчезновения из моих сновидений, где покойники могли появляться среди ныне здравствующих и вызывать при этом вместо оторопи максимум легкое изумление. Доподлинно знающая о смерти врача Инга в измененной мною реальности, похоже, испытала только чувство любопытства, безбо-

язненно шагнув навстречу прогуливающемуся доктору.

– Рада видеть вас в добром здравии, Семен Григорьевич! А я по своей глупости поверила злым языкам, распускающим жуткие слухи про вашу кончину, – выпалила она как на духу приподнятым голосом.

– Здравствуй, дорогуша, – с отеческим добродушием отозвался Семен Григорьевич. – Признаться, я даже забыл, когда последний раз хворал, а уж смерть в моем возрасте и во все дело неслыханное. Вас, видимо, мучают ночные кошмары о мире, где болезни и преждевременная смерть обычное явление. Расстройство весьма распространенное, но излечимое. Поэтому приходите дорогуша ко мне на прием, мы общими усилиями все поправим.

С последними словами наш участковый врач вежливо кивнул в знак прощания и неспешно побрел дальше по проспекту. Инга же так и осталась стоять на месте, словно замороженная услышанным. Подойдя к своей соседке, я крепко прижал ее к своей груди и на секунду зажмурился, а открыв глаза, увидел убегающий в темную даль ряд источающих желтоватый свет фонарей. В привычной реальности, куда мы в мгновение ока вернулись, становилось прохладно. Моментально позабывшая о нашем приключении Инга по-детски капризно выразила желание согреться чашечкой кофе в симпатичном заведении на противоположной стороне проспекта и потянула меня к подземному пешеходному переходу, где дуэт уличных музыкантов исполнял известные композиции

для погруженных в собственные мысли прохожих. Взгляд просящего подавание на ступенях лестницы неопределенного возраста мужчины в нелепом одеянии был устремлен куда-то вдаль, хотя пространство тоннеля со всех сторон ограничивалось бетонными стенами. Мне хватило секунды, чтобы сосредоточиться на собирающем милостыню горемыке и увидеть выбранную им реальность, где он в окружении верных рыцарей скачет верхом по вересковым пустошам к своему возвышающемуся на холме королевскому замку, и лишь изредка появляющиеся в протянутой руке городского сумасшедшего мелкие купюры ненадолго возвращали его на лестницу пешеходного перехода.

Выпитый кофе добавил нам энергию, и мы гуляли по городу до глубокой ночи, но я более не хотел играть с реальностью. Окончательное осознание того, что окружающая действительность рождается, изменяется и уничтожается исключительно внутри меня самого подобно сновидению со всеми присутствующими в нем образами, привело к неожиданному выводу – данная по умолчанию реальность самая оптимальная для дальнейшего духовного роста, вместе с которой она и будет волшебным образом преобразаться.

Как уже повелось, на следующий день я лишился невероятных сверхспособностей, связанных с произнесением магической фразы, однако дар наблюдать игру собственного ума без вовлечения в неустанно генерируемые им мысли остался. Именно благодаря такому, казалось бы, не особенно впе-

чатляющему таланту, ко мне пришла несказанная легкость и редкая пронизательность, поскольку комментарии в голове более не искажали суть происходящего. Ко всему прочему благодаря осознанию изменчивости окружающей действительности ее вызовы перестали таить в себе угрозу и походили теперь на мастерски сконструированные препятствия из захватывающей компьютерной игры, преодолевать которые одно удовольствие.

Выходные дни я решил посвятить домашним делам, но стоило мне субботним утром достать из чулана пылесос, как раздалась настойчивая трель дверного звонка. Нежданно-негаданно пожаловал мой старый приятель Костик, или как его прозвали друзья-собутыльники Костыль за паразитную способность повреждать себе конечности, оступаясь на ровном месте, и потом подолгу не расставаться со вспомогательными средствами передвижения. Сразу стало понятно, что он в «разобранном» состоянии, но отказать в гостеприимстве человеку, с которым по молодости умудрялся попадать в разнообразные передрыги, а затем чудом из них выпутываться, было невозможно.

– Перекантуюсь у тебя до завтра? – спросил Костик с порога и, не дожидаясь ответа, полез обниматься, приговаривая про себя: – Завидую вам, холостякам.

– Проходи, но не забывай, что в гостях, – невесело сострился, поскольку, будучи трезвым, не горел желанием находиться в обществе выпившего.

Мне было не привыкать к беспардонности своего находящегося под мухой приятеля, однако последний раз мы виделись очень давно, да и пьяных компаний я с возрастом стал сторониться, поэтому подобное поведение перестало казаться нормой. Незамедлительно начавшаяся атака мыслей, убеждающих меня в хроническом невезении вследствие внезапно пошедших прахом планов на выходные, моментально захлебнулась, так и не вызвав обычного в подобной ситуации раздражения. Благодаря появившейся способности наблюдать игру собственного ума без вовлечения в генерируемые им мысли, я легко принял ситуацию, как неизбежный привет из безбашенного прошлого, отчего она не приобрела негативной окраски.

Вскоре мы сидели за кухонным столом, в центре которого возвышалась принесенная Костиком бутылка. Выпить я сразу наотрез отказался, но своего нежданного гостя отговаривать от этого пагубного занятия не стал, по себе зная невосприимчивость алкогольного сознания к аргументам против продолжения банкета.

– И что хорошего все время быть трезвым? – вопрошал Костыль, без тени смущения наливая себе в рюмку. – Надо пользоваться любой возможностью расслабиться, чтобы поболтать по душам, а лучше прошвырнуться по значным местам, как мы когда-то умели! Не так уж и долго осталось до старости, вот тогда и будешь скучать на сухую, да вспоминать былые годы, таков, увы, закон природы...

– Как выясняется, ничем не замутненная реальность самый лучший допинг, после которого никогда не наступает похмелье с разочарованием. Правда это понимание пришло ко мне только с посторонней помощью, – вслух поделился я своим соображением ради поддержания разговора.

– О друг мой, не говори красиво! Скажи лучше так, чтоб было понятно! – воскликнул Костик, взбодрившись опрокинутой стопкой.

Признаться, справедливое замечание приятеля поставило меня в тупик. При всем своем желании, я не в силах был кому-либо толком описать перемену, происходившую со мной после произнесения трех простых слов, а история с поведавшим мне эту магическую фразу юным попутчиком, вообще походила на глупую выдумку.

– Забудь, проехали, – махнул я рукой, желая сменить тему. – Лучше сам расскажи, почему тебе дома не живется.

Вместо ответа Костик протяжно вздохнул, после чего молча наполнил свою рюмку и разом влил огненную жидкость в себя, запрокинув голову так, что чуть не грохнулся спиной на пол с табуретки.

– Куда так спешишь, наклюкаться хочешь? Делай интервалы и закусывать не забывай, – сказал я, указав глазами на тарелку с нарезанной бужениной, и тут зазвонил мой телефон.

– Кто это?! – встревоженно спросил будто бы мигом протрезвевший Костик.

Услышав в трубке вежливый женский голос с заманчивым предложением получить уже одобренный для меня кредит на кругленькую сумму, я привычно сбросил спам-звонок, после чего обратился к приятелю:

– Ты чего такой нервный? Случилось что?

Мой приятель заметно замешкался и с минуту таращился осоловевшим взором в сторону прихожей.

– А мне вот оказалось слабо отказаться от кредита, – наконец сказал он.

– Зато у тебя слух отменный, – усмехнулся я, а затем спросил с неподдельным участием: – Влез в долги?

– По уши. Вернее, утонул в них с головой, – нервно хихикнув, признался Костик. – Коллекторы жить не дают, на жену дают... Перекредитовывался несколько раз, брал микророзаймы, но задолженность только выросла.

С последними словами его вдруг одолел надсадный кашель, а когда приступ прошел, и без того хмельной гость отточенными движениями наполнил и залпом осушил очередную рюмку.

– Если будешь квасить, то только усугубишь свое положение, – констатировал я очевидное, когда его искривившаяся от проглоченной водки физиономия вновь обрела человеческие черты.

– А если не буду? – с издевкой спросил Костик.

– Посоветуешься со спецами, они тебя банкротом оформят или еще что-нибудь придумают, – озвучил я первое при-

шедшее в голову соображение.

– Поздно, бро. Теперь меня ищут совсем другие спецы, которые все как надо оформят и даже потом трудоустроят, – невесело улыбнулся он.

– Ты на ментов, что ли, намекаешь? – сразу догадался я. – Но при чем здесь они?

Прежде чем ответить, Костик в очередной раз принял на грудь, занюхал выпитое куском хлеба, протер ладонью рот, потом пригладил ею же волосы, словно подчеркивая своими пьяными телодвижениями важность предстоящего заявления, и наконец заплетающимся языком заговорил:

– Вчера вечером возвращаюсь домой и нос к носу сталкиваюсь у себя в подъезде с достающим меня коллектором. Обычно эти хмыри по двое ходят, а тут почему-то один у лифта стоит. А я прилично поддатый, злой на весь мир, поэтому ярость вспыхнула, как порох. Набросился на него, стал лупить руками и ногами, потом толкнул в спустившийся лифт, и пока кабина поднималась до последнего этажа, продолжал делать из осевшего на пол коллектора отбивную. Несколько раз засадил по башке стеклянной бутылкой, кровяца хлынула. Когда двери лифта открылись, он был без сознания, я же выскочил и побежал вниз по лестнице к выходу из подъезда, минуя свой этаж и уже начиная отдавать себе отчет в том, что натворил. Ночь провел в каком-то бомжатнике среди алкашей, а утром вспомнил про тебя... На самом деле домой возвращаться не боюсь, просто хочу напоследок

погулять, подышать вольным воздухом, а уж потом сдать ся.

– Ну ты красавец! Натворил делов и прячешься! Хоть понимаешь, что теперь менты вместе с тобой и меня могут принять за укрывательство? – выпалил я, переварив услышанное. – А коллектору скорую надо было вызвать сразу же!

– Не догадался, а потом и вовсе симку выбросил. Да не дрейф. Завтра от меня простынет след, и ни одна собака не прознает о моем визит к тебе, – пробурчал Костик, после чего пьяно расхохотался без видимой причины.

Последняя рюмка, по всей видимости, переполнила чашу, и теперь прорвавший плотину рассудка алкоголь прямо на глазах превращал злополучного приятеля в человекоподобное существо с условной вменяемостью. Однако вместо пьяного мужика я отчетливо видел человека, жестоко обманутого своими мыслями, которые сначала внушили ему идею острой нужды вследствие нехватки чего-то, а затем убедили взять деньги в долг, нарисовав ложную картину собственной кредитоспособности. Именно по причине обнаружения настоящего виновника как своих, так и Костиных несчастий, свалившийся словно снег на голову приятель, несмотря на омерзительный вид, вызывал у меня больше сочувствие, чем порицание.

– Тебе надо прилечь отдохнуть. Потом поговорим на трезвую голову, – вставая из-за стола, сказал я, и тут раздалась трель дверного звонка.

– Не открывай! – вполголоса воскликнул встрепенувшийся-

ся приятель, сделав страшные глаза.

– Дома будешь командовать, – ответил я и немедля направился в прихожую.

Однако моментально вскочивший на ноги Костик ринулся следом и в следующий миг повис у меня на спине, обхватив шею руками. Каким-то чудом изловчившись, я сумел сбросить с себя взбесившегося гостя, а когда он попытался вновь помешать мне подойти к входной двери, двумя ударами в голову уложил его на пол. Поражаясь резвости, казалось бы, уже окончательно разомлевшего Костыля, я отворил врезной замок и увидел возле входа в квартиру улыбающуюся Ингу с янтарного цвета баночкой в руке.

– Ставь чай, будем натуральный мед дегустировать, – не утруждая себя приветствием заявила она и попыталась проникнуть в прихожую.

– Давай в следующий раз, ко мне товарищ по важному делу зашел, – сказал я, преграждая дорогу бесцеремонной соседке.

– Ой, а что это с ним? – воскликнула Инга, заметив за моей спиной распластанную на полу фигуру.

– Устал человек, с кем не бывает? Сейчас отдохнет и придет в норму, – пояснил я, не моргнув глазом, после чего с извинениями закрыл перед ней дверь.

Первым делом мне следовало проверить пульс у картинно лежащего лицом вверх с раскинутыми руками приятеля, но неожиданно огласивший квартиру богатырский храп разве-

ял мое обоснованное опасение. Подложив под его голову диванную подушку и бросив на мерно вздымающуюся вместе со вздохами грудь легкий плед, я взял в руки стоявший в прихожей пылесос, чтобы заняться намеченной уборкой комнат.

Гость проспал до позднего вечера, а едва проснувшись первым делом побежал в туалет, после чего весь помятый и жалкий появился на кухне, где ритуал одиночного чаепития завершал еще один прожитый мной день. От полученных ударов под одним его глазом проявился внушительный синяк, но спрашивать о головокружении, тошноте, шуме в ушах было бессмысленно, так как симптомы сотрясения мозга во многом совпадают с последствиями неумеренного возлияния.

– Чего стоишь? Присаживайся и расскажи еще раз о том, как катался в лифте с коллектором, – спокойно произнес я, указав кивком головы на свободную табуретку.

Последовав моему совету, Костик расположился за столом, подрагивающей рукой плеснул в пустую чашку воды из кувшина, которую торопливо выпил жадными судорожными глотками.

– Дай поправиться, иначе сдохну, – сказал он, отдышавшись.

– Сначала рассказывай, а потом поищем. Может, что и осталось, – заявил я в ответ, прибегнув к банальному шантажу.

Во мне теплилась призрачная надежда на то, что Костыль

в пьяном бреду сморозил чушь или по крайней мере сильно приукрасил свой рассказ об экзекуции над попавшим под горячую руку коллектором. Как известно, развязанный алко-голем язык часто склонен к гиперболизации и легко превращает муху в слона. К тому же в кругах, где мы с ним когда-то вращались, жестокие розыгрыши с разнообразными надувательствами являлись нормой. Однако по вмиг потемневшему лицу моего приятеля стало понятно, насколько ему трудно говорить на предложенную тему. Около минуты он сидел в угрюмом молчании, виновато потупив взгляд и протяжно вздыхая, затем хрипло прокашлялся и практически в точности повторил сказанное мне ранее с добавлением некоторых незначительных подробностей.

– Перед тем, как сдать, хочу мать повидать, правда, боюсь, меня там уже ждут. Но все равно поеду прямо сейчас, – заявил он, подытоживая сказанное, после чего робко спросил: – Одолжишь на такси?

– Конечно, о чем речь? – ответил я, проникаясь жалостью к неплохому в целом человеку и доставая из-под стола бутылку. – Поправляйся, только аккуратнее, чтоб не пришлось снова на полу отдыхать.

Костик, давясь, выпил рюмку, после чего сразу направился в прихожую. Пока он обувался у меня было время сходить в комнату за наличкой и представить, каково сейчас моему приятелю ощущать себя загнанным зверем без всякой надежды на благоволящую нам в прошлом удачу. Я собирал-

ся напомнить Костику про необходимость как можно скорее найти адвоката, но отдавая деньги совершенно неожиданно для самого себя несколько раз громко произнес чудодейственную фразу и попросил приятеля зазубрить это странное сочетание трех слов.

– Слушай, бро, сейчас не до твоих загадок. Даст Бог, еще свидимся! – заявил он, крепко пожимая мне руку.

– Ты все же ее запомни, обязательно запомни, она тебе пригодится, – без всяких пояснений повторял я свой совет с редким для себя упорством, пока Костик ждал вызванную кабину лифта.

Когда его украшенная фингалом физиономия скрылась за шумно закрывшимися автоматическими дверьми, мной овладело сходное с чувством выполненного долга переживание, только намного более глубокое, словно я сумел указать своему приятелю выход из отчаянного положения.

Следующим утром мне пришлось позвонить Инге, чтобы извиниться за вчерашний эпизод с захлопнутой перед ее носом дверью. Как ни странно, она совсем не обиделась, поэтому мы четверть часа мило болтали, а под занавес разговора договорились совершить совместный воскресный променад по расположенной вблизи нашего дома парковой зоне. Успев за субботу устать от нескончаемых домашних хлопот, я внутренне обрадовался появившемуся поводу вернуться к естественному для себя состоянию праздности, и спустя пару часов уже степенно ступал в прекрасном расположении

духа под ручку с соседкой по мощеной дорожке среди аккуратно подстриженных газонов. Поскольку говорить нам в общем было не о чем, мы наслаждались обоюдным молчанием, хотя более интимное бессловесное общение при помощи мимики и жестов не прекращалось ни на миг. Проходя мимо возвышающейся в самом центре парка златоглавой церкви, я обратил внимание на редких прихожан, продолжающих уже после завершения воскресной службы входить в ее резные двери. «Продолжили бы все эти люди посещать храм, если бы вдруг перестали слепо доверять собственным мыслям, рассказывающим им о засилье зла с несправедливостью в их жизнях? – мысленно спросил я сам себя и тут же ответил: – Продолжили бы только истинные верующие, которые не столько просят Бога изменить свое настоящее положение, сколько благодарят Его за возможность разглядеть в кажущихся трудностях и бедах благословение свыше».

Мы гуляли по лабиринту парковых дорожек битый час, а когда решили передохнуть на приглянувшейся нам лавочке возле облюбованного раздобревшими утками пруда, мой взгляд случайно упал на проходящего мимо парня, в котором по худосочной фигуре и спадающим на бледное лицо черным выющимся волосам я сразу узнал своего загадочного попутчика Семена.

– Здравствуй! Каким ветром тебя сюда занесло? – машинально вырвалось у меня, когда мы поравнялись на узкой дорожке.

– Здравствуйте, – приветливо улыбнулся он, явно тоже узнав меня. – В выходные сидеть в общаге скучно, вот и брожу по городу, когда в компании, а когда один.

Я попросил Ингу подождать меня на лавочке, а сам, отойдя с парнем в сторонку, сказал ему:

– Слушай, твоя фраза и вправду творит чудеса! Моя жизнь теперь обрела совсем иное качество! Извини, что оказался маловером. Сам понимаешь, на моем месте любой принял бы сказанное тобой за бред сивой кобылы или разводку какую-нибудь.

– Какая фраза? Вы о чем? – сделал удивленное лицо парень.

– Ну как, ты же Семен, студент, сообщивший мне три магических слова по дороге к городу. Неужели забыл, как подсел ко мне в машину? – растерялся я.

– Да, я Семен, студент, прекрасно помню, что вы подбрасывали меня до города. Только мы в пути почти не общались. Вы лишь поинтересовались моим именем, родом занятий, а потом все остальное время до самого города слушали музыку, – ответил Семен.

– Стой, давай разберемся, – обратился я к парню, опуская руку ему на плечо.

– Извините, мне надо идти, – холодно бросил он и быстро зашагал по дорожке.

Я некоторое время смотрел ему вслед, застыв на месте каменным столбом, после чего в крайнем замешательстве вер-

нулся к сидевшей на лавочке Инге.

– Что за малолетка? – поинтересовалась она, едва заметно улыбнувшись.

«Почему она лыбиться? – мелькнула в голове тревожная мысль, стоило за которую на мгновение уцепиться, как на меня обрушилась настоящая лавина: – Явно не спроста. Вся эта история с забывчивым Семеном очень подозрительна, а моя соседка наверняка о чем-то догадывается, может даже что-то знает и помалкивает... А вдруг я просто схожу с ума и на самом деле Семен лишь галлюцинация большого рассудка! – ужалила меня неожиданная догадка. – Наверное, Инга в курсе моей страшной болезни, поэтому и опекает, как малого ребенка, приходит постоянно, выводит на прогулки... Точно! Как раньше можно было не понять столь очевидного факта! Не иначе, родственнички подсуетились и наняли ее присматривать за мной, прознав, что я веду себя неадекватно!».

Вследствие пришедшего на ум жуткого вывода, мне тут же расхотелось гулять, поэтому я, ничего не поясняя Инге по поводу встреченного парня, бессовестно соврал ей про разболевшуюся голову, чтобы поскорее вернуться домой.

После той случайной встречи в парке от моего спокойствия не осталось и следа. Я вновь перестал отделять себя от необузданного мышления, полностью подчинившись его диктату. В голове ни на минуту не стихал внутренний монолог, раз за разом возникали все новые догадки, предпо-

ложения и версии одна ужаснее другой. Даже отпущенное для ночного отдыха время наполнялось тревожными сновидениями о произошедших со мной загадочных событиях, если вообще удавалось уснуть. Я выучил наизусть симптомы шизофрении, паранойи, биполярного расстройства и прочих психических заболеваний из-за постоянного впитывания информации со специализированных сайтов, частое посещение которых вгоняло меня в глубочайшую подавленность после поставленных самому себе диагнозов. Иногда я ненадолго успокаивался с помощью все тех же мыслей, неожиданно приобретающих утешительный характер, однако вскоре приходилось с горечью признавать зыбкость основанного на размышлении умиротворения.

Проведенный под игом собственного необузданного мышления месяц сделал меня крайне раздражительным и предельно мнительным существом, способным запаниковать от постороннего косога взгляда или телефонного звонка с незнакомого номера. Правда в качестве компенсации я стал кое-как обосновываться в этом аду с помощью седативных препаратов, но главное благодаря продиктованному врожденным инстинктом стремлению выжить во что бы то ни стало в любых обстоятельствах. Мои контакты с малочисленными знакомыми свелись к необходимому минимуму или вовсе сошли на нет. Инга же после скомканной прогулки в парке, видимо, здорово на меня обиделась и прекратила звонить, а тем более неожиданно заявляться, показывая

свой характер. Все свободное время я посвящал позволяющим отвлечься домашним делам и бесцельному блужданию по просторам интернета, выбираясь из дома только по необходимости.

Как-то раз во время возвращения из похода в супермаркет с полными сумками продуктов, мне захотелось по привычке проверить свой почтовый ящик в подъезде, где обнаружился бумажный конверт со штампом ФСИН и аббревиатурой СИЗО на месте обратного адреса. Из-за моментально участвовавшего сердцебиения у меня потемнело в глазах и стало трудно дышать. Кое-как добравшись до квартиры, я прямо в туфлях прошел на кухню, выпил стакан воды, немного посидел, выровнял дыхание, после чего вскрыл конверт дрожащими руками.

Исписанный корявым почерком лист сначала показался мне нагромождением экзотических иероглифов, но, когда буквы прекратили плясать перед глазами, стало ясно, что письмо отправлено Костиком. В первых же строках он сообщал о своем задержании по статье о причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего в состоянии аффекта, а ниже просил у меня прощения за свое пьяное поведение и обещал вернуть взятую в долг сумму, как только предоставится возможность. Последний абзац был отделен от остального текста горизонтальной линией и состоял из нескольких предложений следующего содержания:

«Вчера после отбоя вдруг вспомнился наш разговор пря-

мо перед тем, как мне поехать от тебя к матери. Закрыв глаза, я ради прикола произнес про себя фразу, которую ты так настойчиво просил запомнить, и вскоре ощутил прямо здесь, среди храпящих сокамерников, неопишущую свободу, которую в вольной жизни никогда не испытывал. Сейчас меня уже совсем не страшит будущий приговор и невзгоды лагерного существования. За прошедшую ночь я узнал о скрытом внутри меня океане спокойствия благодаря волшебству трех слов. Теперь цель моей жизни найти дорогу к нему самостоятельно, без помощи твоей фразы, а трудности мне в этом будут только содействовать. Спасибо тебе, дружище, за бесценный подарок!!!».

Повторно прочитав отделенный линией абзац, я некоторое время сидел без движения, а когда наконец понял смысл написанного несмотря на противодействие захлапивших голову мыслей, впервые за много дней ощутил приятное расслабление всего тела. Ад последнего месяца вдруг представился мне дурным сновидением, на смену которому приходило умиротворение пробуждающегося сознания. Отдельные мысли по инерции еще пытались внести сумятицу, напоминая о ставшей причиной наваждения встрече в парке. Однако я больше не цеплялся за них, поскольку вернулся к утерянному из-за склонности разбираться во всем покою, который ценен сам по себе и превосходит любое понимание. Чуть позже мне захотелось черкнуть Костику ответное послание с просьбой передать магическую фразу тому, на кого

укажет его сердце, но садиться за письменный стол я не спешил из-за пришедшей вместе с умиротворением уверенности в том, что все по-настоящему важное обязательно случится в нужное время и без моих подсказок.